

Глава 1

— Внимание! Активирован аварийный протокол! Всем покинуть помещение!

Услышав механический голос из громкоговорителя, я вздрогнул и чуть не упустил почти готовое плетение из рук.

Какого дьявола? Нашли время для учений! Или?..

Я опустил взгляд на разноцветные нити своего экспериментального плетения и похолодел. Их рваная пульсация намекала на проблемы. Да что там намекала — практически в голос орала.

Это не учебная тревога.

Словно в ответ на мои мысли, лязгнул запор на металлической двери, а единственное окно перекрыли бронированные ставни.

Освещение в лаборатории сменилось с нейтрального белого на тревожное красное. Спасибо, хоть мигать не стало. Мне и без того сложно удерживать этот взрывоопасный клубок в руках.

Мысли панически скакали от «где я допустил ошибку» до «меня тут заперли».

— Внимание! Активирован аварийный протокол! Всем покинуть помещение!

Эту фразу автоматика повторит еще раз, после чего начнется обратный отсчет. До уничтожения лаборатории останется тридцать секунд.

Только почему изоляция помещения сработала раньше?

Я вновь наткнулся взглядом на свое плетение в руках. И его плачевное состояние меня отрезвило.

Если я прямо сейчас не возьму себя в руки, даже до начала отсчета не доживу — этот неудачный эксперимент рванет раньше.

Вдох...

Выдох...

У меня есть только один шанс отменить самоуничтожение лаборатории: убрать фактор опасности. То есть нейтрализовать свое плетение.

Сколько там осталось до последнего предупреждения? Секунд двадцать?..

Реально. Сложно, но реально.

Я начал вытаскивать из плетения одну нить за другой.

Дергать нельзя, но и медлить тоже. Нужно действовать быстро, но аккуратно. Одну за другой.

Плетение упрощалось и стабилизировалось на глазах. Оно все еще рябило и мерцало, но уже не рвалось из рук.

Мне оставалось вытащить три нити, после чего плетение можно было бы просто развеять, когда прозвучал мой приговор:

— Внимание! Активирован аварийный протокол! Всем покинуть помещение! До блоки-

ровки и обратного отсчета осталось: три, два, один!

Я рискнул резко выдернуть последнюю нить — и все равно не успел.

Вновь коротко лягнули запирающие механизмы. Они и должны были сработать только в этот момент. Вопрос: почему сработали раньше? — меня уже не волновал.

Поздно.

— Помещение локализовано! Начинаю обратный отсчет. Тридцать секунд. Двадцать девять...

Я машинально развееял уже неопасный остаток плетения и тупо уставился на свои пустые руки.

Вот так — и все?

— Двадцать восемь. Двадцать семь...

Я знал систему безопасности, сам помогал ее настраивать в свое время. На этом этапе вырваться отсюда не поможет уже ничто.

— Двадцать шесть. Двадцать пять...

Меня внезапно накрыла дикая ярость. Какая сволочь меня заперла здесь?! Дайте мне эту тварь, я ее голыми руками порву! Ты хоть бы голос подал напоследок, скотина. Я хочу знать имя своего самого лютого врага.

— Прости, брат, — раздался тихий голос.

Я даже не сразу понял, пронеслись ли эти слова в моей голове, или он и вправду это сказал.

— Прости, но это не должно увидеть свет. Одна жизнь ради спасения миллионов... Прости...

Все-таки на самом деле. Из громкоговорителя вместо обратного отсчета действительно доносился его голос. Это мой младший. Пацифист хренов!

Мы с ним долго спорили по поводу моего последнего эксперимента, но так и не сошлись во мнениях. Как и обычно, впрочем.

Тогда он не смог меня остановить, а сейчас пытается разрешить наш спор кардинально. И как только на убийство решился, чистоплюй?

Я стиснул зубы, привычно давя в себе раздражение.

Хотя теперь-то уже зачем?

— Я достану тебя, ублюдок, — дрожа от ненависти, прорычал я. — Хоть из-за грани, но достану!

Брат не удосужился ответить, его голос исчез. У меня даже не было уверенности, что он меня услышал.

Тревожный красный свет начал мигать, а я сжал кулаки.

— Три. Два. Один!

Я прикрыл глаза, но даже сквозь сомкнутые веки увидел ослепительную вспышку.

Красиво... Я успел осознать это и провалился в темноту.

* * *

Огонь. Всюду огонь!

Адская боль. Нечем дышать. Я не могу пошевелиться. Вместо крика выходит невнятный хрип.

Мать твою, как отсюда выбраться?!

— Держись, Шахар!! — прорывается сквозь гул пламени чей-то голос.

Я слышу, но не воспринимаю толком ничего. Перед глазами кровавая пелена, воняет паленым мясом.

Неистово дергаюсь, пытаюсь хоть как-то сдвинуться с места, но эффекта никакого.

Сжимаю зубы, закрываю глаза, пытаюсь обратиться к магии. Бесполезно, источник пуст.

Сознание уже плывет, но я на последних секундах зачерпываю жизненную силу и направляю к голове. Это не полноценный магический щит, но даст мозгу еще пару мгновений. Возможно.

Если кто-то все же пытается меня спасти, должны успеть.

Должны!

Я жить хочу!!

В какой-то момент стена пламени опадает. Я вдыхаю безумно желанный прохладный воздух и чувствую, что из меня как будто стержень вынули.

Выжил.

Глаза закрываются сами собой, я внезапно практически перестаю ощущать свое тело. Остается только чужое тяжелое дыхание над ухом... и голоса.

— Я держу!

— Стабилизируется!

— Петлю на красный контур! Живее!!

— Есть красный контур!

Голоса то приближаются, то отдаляются, сливаясь в общий неразборчивый гул.

— Вытащите? — в эту рабочую суету вклинивается неожиданно спокойный голос.

— Вытащим, — твердо отвечает ему другой, женский.

Я верю сразу и тут же окончательно проваливаюсь в темноту.

* * *

Я открыл глаза и осмотрелся. Небольшая комната с огромным окном и парой кресел около него была явно мне незнакома. В окно светило яркое утреннее солнце, и эти блики, отражаясь от зеркала, падали прямо на мою кровать. Они меня и разбудили, похоже.

Попытавшись встать, я едва успел ухватиться за спинку кровати. Голова кружилась, перед глазами плясали предобморочные звездочки. Переждав пару секунд, я направился было в санузел, но застыл у того самого зеркала.

Из отражения на меня с любопытством смотрел долговязый юнец с восковой маской вместо лица. Ни бровей, ни ресниц, ни волоска на чепе не было. Да и неестественно розовая свежая кожа хорошего впечатления не добавляла. Ну и урод!

Из ступора меня вывели воспоминания.

Я вспомнил взрыв в своей лаборатории. И голос младшенького, чтоб ему столетиями в адском котле вариться!..

Я должен был умереть. Да я и умер, собственно.

Однако я дышу, я чувствую, я думаю. Я жив!

И огонь я тоже помнил. Хотел было признать, что понятия не имею, как в нем оказался, но в этот момент словно прорвало плотину воспоминаний. Чужих воспоминаний. Какие-то лица, причудливые пейзажи, восточные купола, обрывки фраз на гортанном, смутно знакомом языке — все мелькало перед глазами и наслаивалось друг на друга.

Кое-как усмирив этот калейдоскоп, я вновь посмотрел в зеркало уже с практическим интересом. Это же теперь я.

В целом тело мальчишки было неплохо развито для своих лет, тренировками он явно не пренебрегал. Рост был довольно высокий, почти как у меня в прошлой жизни, но видно, что вытянулся юноша буквально только что, а массу еще толком набрать не успел.

Мышцы я ощущал откровенно «деревянными», но это, вероятно, было следствием обширных ожогов и магического лечения. Слишком быстро все восстановили, организм еще не адаптировался.

Главное, чтобы проблем с управлением телом не возникло. А то было у меня смутное ощущение, что вселился я как-то недостаточно прочно. Как будто нацепил парадный костюм с чужого плеча: вроде и сидел он нормально, и в то же время казалось, что пиджак в любой момент

может треснуть по шву на спине от резкого движения.

Тело, отражавшееся в зеркале, раньше принадлежало мальчишке-аристократу из древнего магического рода Индийской империи.

Индия!

Этот факт почему-то выбил меня из колеи даже больше неожиданного переселения в чужое тело. Почему не родная Российская империя? Какого дьявола меня закинуло аж в Индию?

Организм очень вовремя напомнил о своих потребностях, а то, казалось, мозг уже готов был вскипеть. Я отвернулся от зеркала и продолжил путь в санузел. Передвигался я медленно и сосредоточенно, потому что меня шатало от слабости, но все же шел.

Когда я вернулся в комнату, меня уже ждала китаянка. Сухощавая старуха с коротко стриженными седыми волосами, желтой пергаментной кожей лица и поджатыми тонкими губами стояла рядом с входной дверью.

— Мой господин, — слегка поклонилась китаянка.

Она подошла к небольшому столику между кресел и обернулась ко мне.

Я доплелся до кресла и рухнул в него, ноги совсем не держали. Старуха присела возле меня на корточки и протянула ко мне руку, окутанную желтым свечением. Дергаться у меня сил не было, я лишь лениво отметил, что магия у них тут тоже есть.

Ее манипуляции отозвались в моем теле теплом и каким-то неуместным умиротворением.

— Мой господин, — вновь обратила на себя внимание китаянка.

Ее голос вынудил меня открыть глаза. Сам не понял, когда успел их закрыть и почему настолько доверился ей инстинктивно.

— Я полностью восстановила вам все обожженные ткани, — продолжила китаянка, — но это забрало у вашего тела много сил. Вы пока слабы, это естественно, не пугайтесь. И постарайтесь не напрягаться хотя бы еще сутки.

В тот момент меня не беспокоила собственная слабость, слишком много всего обрушилось на меня сразу после пробуждения. И ее речь успокаивала, позволяла зацепиться хоть за какой-то якорь.

— Благодарю, — хрипло выдавил я.

Зря я это сделал, по горлу словно наждачкой прошлись. Похоже, говорить я буду очень редко и только в крайнем случае, очень уж мерзкое ощущение.

Старуха глянула на меня удивленно, но тут же сложила руки на груди и слегка поклонилась прямо из своего полуприседа.

Она вновь легонько коснулась моей руки, и на этот раз я почувствовал приличный заряд бодрости, который она мне передала. Странный способ делиться силой. Неужели у них тут нет нормальных лечебных плетений? И почему

вообще силой со мной делится она, служанка, лекарь-то где?

Асан Муи, внезапно всплыло из чужой памяти ее имя. Беглая аристократка, чудом спасшаяся из Поднебесной после уничтожения ее рода, она много лет назад принесла личную клятву моему отцу, который ее приютил и спрятал от ищеек.

Именно она, по сути, и вырастила парня, в теле которого я оказался.

Старуха тем временем дошла до двери и, обернувшись ко мне, вновь поклонилась. На этот раз я ограничился молчаливым кивком.

* * *

Я успел только встать с кресла после ухода старухи, как дверь вновь распахнулась.

— Краса-а-авчик! — злорадно оскалилась девчонка с порога.

Высокая, стройная, она обладала округлой грудью размера эдак третьего, которая была удачно подчеркнута якобы бесформенным одеянием до пола. Кажется, эта штука называлась сари. Легкая струящаяся ткань, перекинутая через плечо, очень подробно обрисовывала аппетитную фигуру.

У девчонки были необычного стального цвета волосы, небрежно собранные сзади, а узкое лицо обрамляли выбившиеся из прически пряди. Ее серо-зеленые глаза смотрели холодно и насмешливо.

На фоне ее, холеной утонченной аристократки, я сейчас выглядел ущербным оборванцем, который не был в состоянии даже на ноги встать, не покачнувшись при этом. Так унижить одним своим появлением — это надо уметь.

И, судя по довольному блеску глаз, девчонка прекрасно понимала, что делала.

Двоюродная сестра Амайя, подсказала чужая память.

Именно из-за этой твари мальчишка сунулся к родовому алтарю, едва ему исполнилось шестнадцать. Именно она довела его до состояния, в котором он был готов на все, лишь бы не быть больше самым никчемным членом рода.

И ей до сих пор мало? Решила довести дело до конца?

Я стиснул зубы, сдерживая вспыхнувшую ярость.

— Ну ничего, — она подошла ближе и с фальшивой улыбкой потрепала меня по щеке. — У тебя есть время еще на пару попыток. Я, правда, как-то не верю в твои силы, но тебе же это безразлично? Ты такой упрямый!

Амайя говорила снисходительно и с легким пренебрежением, словно обращалась к неразумному младенцу, которого бесполезно уговаривать. Внешне было не придраться, кстати, все оставалось в рамках приличий. Однако сестрица явно провоцировала. Чего она добивалась?

Любой кровный родич, вне зависимости от пола, имел право прийти к родовому алтарю